

"Спор о методе", школа "Анналов" и перспективы социально-исторического познания

Автор: Н. С. РОЗОВ

Должны ли социальные и исторические науки строиться по образцам естествознания? Существует ли методологическое единство наук с эмпирическим базисом, либо исследовательская методология развивается автономно в каждой отдельной области? Разногласия в ответах на такого рода вопросы составляют знаменитый *Methodenstreit* - "спор о методе", который хоть и имеет достаточно давнюю историю, но отнюдь не разрешен до сих пор, более того, несмотря на временные затишья, продолжает вспыхивать новыми яркими интеллектуальными баталиями.

Ситуацию возникновения *Methodenstreit* во второй половине XIX в. определяли грандиозные успехи естествознания и агрессивная экспансия естественнонаучной методологии в философскую и социально-гуманитарную область. Более широкий контекст спора - драматические отношения между философией и наукой, а также разными научными дисциплинами в XIX в. В этот период бесспорное интеллектуальное лидерство захватили немецкие университеты, которые хоть и принадлежали разным государствам (до объединения Германии Бисмарком в начале 1870-х гг.), но были тесно связаны как между собой, так и с другими интеллектуальными центрами Европы. Р. Коллинз называет эту эпоху "послереволюционной", имея в виду академическую (университетскую) революцию, истоки которой мы обнаруживаем в начале XIX в. в Пруссии и состоявшую в соединении организационной модели средневекового университета с новыми научными дисциплинами [Коллинз, 2002, с. 827 - 858].

Уже в 1850-х гг. немецкая университетская философия, где главную скрипку играл гегельянский идеализм, пережила идейный и организационный удар со стороны материалистического естествознания (линия, возглавляемая Л. Бюхнером, К. Фохтом и Я. Молешоттом и известная у нас под именем "вульгарного материализма"). Новые физические, химические, биологические, геологические кафедры и факультеты появлялись во многом за счет отъема философских ставок. Философия выжила и вновь стала процветать во многом благодаря обращению к неокантианству - углубленному анализу гносеологических и методологических вопросов научного познания.

___ Работа выполнена в рамках Комплексного интеграционного проекта СО РАН N 7.4, 2006 "Интеллектуальные трансформации: феномены и тренды" при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант N 06 - 03 - 00346а).

Розов Николай Сергеевич - доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

Быстрые и впечатляющие успехи в получении позитивного знания в новой экспериментальной психологии породили нечто подобное "головокружению от успехов". Три главных идейных оружия экспансии - материализм, позитивизм и эволюционизм - набирали силу и авторитет.

История, философия, логика, словесность, право представлялись устаревшими схоластическими умствованиями, обреченными на замену положительным знанием, основанным на закономерностях, выявляемых согласно прогрессивным канонам и методам естественных наук. Если же к чему-то подобный подход оказывался неприменим, его следовало отбросить как досадный реликт отжившей средневековой схоластики.

Следует отметить, что сами ученые гуманитарии (историки, лингвисты, литературоведы) были более или менее защищены от такого рода нападков благодаря собственной институализации (кафедры, факультеты, специализированные журналы). Большой и дисциплинарно рыхлый философский факультет в большинстве немецких университетов оказался гораздо менее защищенным от "естественно-научного империализма".

Более слабая философская традиция, может быть, и поддалась бы такому давлению (как деморализованная отменой марксизма постсоветская философия шаг за шагом сдает позиции новой университетской технократии и прагматизму). Однако немецкое философское сообщество второй половины XIX в., прежде всего доминировавшее неокантианство, было сильно не только прекрасной историко-философской подготовкой и высоким уровнем постоянно ведущихся интеллектуальных споров, но также постоянной обращенностью к наукам, к обоснованию знания и границам дисциплин.

Первый этап *Methodenstreit* - различение наук по предмету и методу

Контрударом стал выход в 1883 г. первого тома книги В. Дильтея "Введение в науки о духе", идеи которой позже были развиты им в "Описательной психологии" (1894 г.) [Дильтей, 1987; Дильтей, 2000]. Главная тема этих книг - различение *Geisteswissenschaften* ("науки о духе" - перевод термина *moral sciences* Дж. С. Милля) и *Naturwissenschaften* ("науки о природе").

Таким образом, науки различались Дильтеем по предмету, причем предмету должен соответствовать метод. Эксперименты, выявление численных закономерностей, причинное объяснение, выведение и проверка формул - все эти методы подходят только для "наук о природе", изучающих внешние, объектные, лишённые духа фрагменты природы. В "науках о духе" такие подходы бесполезны и бессмысленны. Дух может быть исследован только как дух, не внешним, а внутренним образом, он должен быть *понят*. Отсюда знаменитое различение *Verstehen* (понимания) от *Erklaren* (объяснения) как визитная карточка данного, идущего от Дильтея подхода в философии и методологии социогуманитарных наук.

Будучи одним из отцов "философии жизни", Дильтей также подчеркивает "тотальность", "целостность", "жизненную полноту" духовной стороны человеческого существования. При всем этом "духовное" понималось Дильтеем как сознание, познающая, интеллектуальная сторона которого дополнялась переживаниями, надеждами, страхами и т.п. Поскольку предметным изучением сознания всегда занималась психология, Дильтей вслед за Д. Юмом и Миллем пытается выстроить все здание гуманитарных наук на психологической платформе.

Здесь обнаруживается существенная трудность. Благодаря В. Вундту и его ученикам бурно развивается экспериментальная, численная, объяснительная психология, построенная как раз по естественно-научным канонам. Неприятный парадокс: главная, базовая "наука о духе", а развивается (причем успешно), как самая заядлая "наука о природе".

В 1887 г. появляется и сразу завоевывает авторитет книга основателя немецкой социологии Ф. Тенниса "Общность и общество". Теннис попросту отказывает истории в праве называться наукой, строит классификации и выводит закономерности вполне в духе естественно-научных канонов. Таким образом, уже две "науки о духе" - психология

и социология - заявляют о себе как классифицирующие, объясняющие и выявляющие законы, а вовсе не "понимающие".

На борьбу с этой трудностью, собственно, и была направлена "Описательная психология". В ней Дильтей выдерживает и развивает то же различие наук по предмету. Граница проводится между внешним подходом естественно-научной психологии, способной, подобно всем другим "наукам о природе", изучать только отдельные однозначно определенные элементы (например, "идеи" или "ощущения") и строить гипотезы относительно связей между ними, и новой описательной психологией, которая через понимание - внутреннее восприятие - получает доступ к реальной и самодостаточной целостности душевной жизни. Согласно Дильтею, все духовное и человеческое дано непосредственно, нужно только найти адекватные средства фиксации этого опыта, тогда как все природное отдалено и отчуждено от человека, что и обуславливает апелляцию к бесконечным гипотезам, формулам и закономерностям.

В том же 1894 г. выходит в свет книга В. Виндельбанда "История и наука о природе". Виндельбанд продолжает тему принципиального различения наук и сосредоточен на том же затруднении: психология изучает явления духовной сферы, но строится и развивается в соответствии со стандартами естествознания - "наук о природе". Ход Виндельбанда состоит не в расщеплении предметов познания, а в обращении к специфике познавательных методов. Один и тот же предмет может изучаться разными науками, важно, какими методами при этом пользуются исследователи.

Так возникает знаменитое, используемое до сих пор различие *номотетики* и *идеографии*. Науки, преимущественно использующие номотетический метод, ищут общие закономерности, пользуясь для этого экспериментами, статистикой, постановкой и проверкой гипотез. Науки, предпочитающие идеографический метод, сосредоточены на описании единичных и неповторимых явлений. Виндельбанд не привязывал жестко методы к наукам: так, исторические науки о природе могут использовать идеографические методы, а в истории каждое событие может быть понято только в контексте общих - номотетических представлений об истории. Особое внимание Виндельбанд как один из создателей ценностной философии (*Wertphilosophie*) обращал на значимость идеографических описаний, их связь с ценностями [Виндельбанд, 1996]. Его ученик Г. Риккерт в книге "Границы естественно-научного образования понятий" (1896 г.) показал, что в различении номотетики и идеографии реально скрыты два критерия:

- между генерализующим и индивидуализирующим подходом к образованию понятий;
- между оценивающим и неоценивающим мышлением.

Риккерт также предложил вместо "наук о духе" "науки о культуре" ("культуроведение") - прямой аналог не культурологии, но всего комплекса социогуманитарных наук [Риккерт, 1998]. "Науки о культуре" суть взгляд на мир через тотальную отнесенность к ценностям, тогда как "науки о природе" рассматривают мир в отношении к законам и закономерностям. Риккерт как бы "снимает" противоположность между номотетикой и идеографией, поскольку и индивидуальное поведение (предмет идеографии), и обнаружение законов (номотетическое исследование) равным образом подчиняются ценностному должностованию. Важное отличие позиции баденцев (Виндельбанда и Риккерта) от Дильтея состояло также в их признании рациональности как номотетического, так и идеографического (индивидуализирующего) подхода, поскольку изучается одна и та же объективная действительность, только с разных точек зрения.

Несмотря на попытки баденской школы смягчить противопоставление наук, их идеи были восприняты в сугубо дильтеевском ключе как конфронтация номотетики и идеографии. Видимо, этому немало послужила "Философия истории" Риккерта, написанная в более простом полемическом стиле, чем философски изощренное "Введение в трансцендентальную философию" и утверждающая неизбежный индивидуализирующий характер как науки истории, так и философии истории. При этом, как ни странно, большинство "наук о духе" обретали идентичность именно в качестве ищущих закономерности-

сти, то есть номотетических. Сам спор стал угасать. Первый этап *Methodenstreit* завершается в первом десятилетии XX в.

Причины временного угасания спора систематически никем еще не исследованы. Разумеется, есть общая макропричина - Первая мировая война, но и ее влияние на судьбу *Methodenstreit* следует прояснить. Следующий довольно бурный этап начался только в середине века. Между этапами спора проходит полоса затишья. Характер этого периода и должен помочь в выявлении причин завершения первого этапа.

Первая половина XX в. - затишье в споре

Со стороны естествознания, математики и философии науки основное движение направлено уже не на экспансию в новые социогуманитарные области, а к сосредоточению на собственных проблемах максимально строгого обоснования научного знания. Это движение в сторону большей точности, строгости и обоснованности объединяет Эрлангенскую программу Ф. Клейна и Д. Гильберта в математике, логицизм Г. Фреге, Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна, попытку Э. Гуссерля построить философию "как строгую науку". Оно венчается великими достижениями и не менее великими провалами Венского кружка.

Научная психология обретает свою интеллектуальную идентичность в традиции Вундта, но не Дильтея: в экспериментальной практике, но никак не в чистых толкованиях и описаниях. Бихевиоризм Д. Уотсона и теория условных рефлексов И. Павлова - лишь самые громкие примеры применения естественно-научной методологии в изучении психики, причем этот подход довольно успешен и до сих пор развивается.

На начальных этапах З. Фрейд со своим базовым физиологическим образованием также строил психоанализ, ориентируясь на естественно-научные каноны. Последующие волны психологических учений (гештальтпсихология, вюрцбургская школа, теория поля К. Левина, культурно-историческая школа Л. Выготского, генетическая психология Ж. Пиаже, теория деятельности и др.) отвергали ассоцианизм и бихевиоризм, но сохраняли верность научному экспериментированию, оставив втуне проект описательной психологии Дильтея.

В начале XX в. набирают силу французская позитивистская социология, английская и, позже, американская антропология. Ценностный подход Виндельбанда и Риккерта воплотился в социологии М. Вебера, У. Томаса и Ф. Знанецкого, Т. Парсонса, но ценности во всех этих случаях существенно приземлялись: упор делался на их разнообразии и изменчивости, но никак не на принадлежности особому вечному миру. Самых внушительных успехов достигают строгие научные направления в сфере словесности: структурная лингвистика Ф. де Соссюра, фонология Р. Jakobsona и Н. Трубецкого, структурная поэтика В. Проппа, Р. Барта и др., структурный анализ мифов К. Леви-Строса.

Чем же было вызвано затишье в споре? Общий ответ парадоксален: спор угас в силу развития *тех же процессов*, которые привели к его началу. Действительно, начальная экспансия методологии естествознания на социогуманитарную область определялась достигнутыми престижными образцами строгости и обоснованности точных наук. Однако продолжающееся движение в сторону предельной строгости и обоснованности (логицизм и логический позитивизм) обнаружило глубокие затруднения в самой сердцевине точности и строгости - математике, логике и позитивном научном языке. Тут уже все силы стали направляться на разрешение найденных парадоксов (из которых самый известный - парадокс Рассела) и трудностей (недостаточность протокольных предложений и пр.). Процессы институализации новых "наук о духе" (психологии, социологии, антропологии, политических наук) вначале весьма тревожили традиционную гуманитарную профессуру, доминировавшую в самых больших и традиционно главенствующих философских факультетах. Однако институализация продолжалась и побеждала. Между новыми науками и философией появились дисциплинарные границы, профессиональные сообщества стали заниматься своими проблемами уже внутри этих границ, общее поле для дискуссии исчезло.

В 1930 - 1950-е гг. социальные науки, особенно политические и экономические, по понятным причинам были гораздо больше обычного подвержены идеологиям. Сформировались некие каноны (прежде всего, марксизм и либерализм), которые поляризовали и во многом ограничили исследовательский поиск, отбросив на периферию логико-методологические вопросы. Идеологическое противостояние в эти годы было куда более значимым, нежели дискуссия о предпочтении номотетики или идеографии. *Methodenstreit* был почти забыт, но, как выяснилось, не навсегда.

Прежде чем перейти к рассмотрению второго этапа спора, покажу, что дальше его следует рассматривать не только в рамках методологии социальных наук, но также в связи с появившейся в конце 1920-х гг. мощной и влиятельной линией исследований в исторической науке. Речь идет о французской школе "Анналов".

Контрапункт спора - историческая школа "Анналов"

Methodenstreit присутствовал в той или иной форме практически во всех социальных науках XX в. (разве что кроме экономики, где неизменно доминирует математический и номологический подход). Как правило, в социологии, психологии, антропологии, политических науках этот спор выражался в конфликтах между "качественным" и "количественным" подходами, причем первый, идущий от идеографии, обычно использовал те или иные варианты или производные гуссерлевской феноменологии, а ко второму примыкали структурализм, кибернетика, математическое моделирование, структурно-функциональный анализ, системный подход и т.п. Это конфликтное разделение достаточно устойчиво, существует до сих пор и обычно не приводит к существенным концептуальным и методологическим трансформациям.

Совсем другая и гораздо более интересная картина наблюдается в эволюции школы "Анналов" (см. обзоры: [Buriere, 1979; Пименова, 1993; Русакова, 2000, с. 218 - 246]). Этот расширяющийся и разветвляющийся поток исследований отличается от других мировых традиций исторической науки постоянным программным тесным взаимодействием с социальными науками, ставкой на междисциплинарность, на постоянное расширение и обновление предметов исследования, методов и концептуальных моделей, а также своим пристальным вниманием к принципиальным вопросам исследовательской методологии, смелыми революционными поворотами в мышлении.

Обычно развитие школы "Анналов" рассматривают отдельно и от эволюции социальных наук, и от *Methodenstreit*, описание которого сводят к первому классическому этапу (см. выше). Однако при совместном рассмотрении этих процессов оба они предстают в новом свете.

Формально школа "Анналов" начинается с основания Л. Февром и М. Блоком журнала "Анналы (ежегодники) экономической и социальной истории" (Страсбург, 1929 г.). Так институализировалось одно из послевоенных интеллектуальных направлений, которое, с одной стороны, стремилось преодолеть прежнюю историческую науку с ее "коллекционированием фактов", фиксацией на событиях, героических биографиях великих людей, а с другой - обещало обогатить историю за счет привлечения мощных и влиятельных идей и подходов в области антропологии, макросоциологии, сравнительной истории хозяйства, религии, культуры (Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм, М. Вебер, А. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, весьма влиятельная тогда марксистская традиция).

Приверженность лидеров ранних "Анналов" научному подходу, общая направленность на раскрытие "механизмов социальной реальности" [Buriere, 1979, p. 1356], интерес к разного рода социальным структурам приближает их к *номотетическому полюсу*. Однако историков в то время больше интересовала не причинная динамика и эволюционные закономерности, а описание устойчивых социальных, экономических и ментальных структур. Историки не пытались уже предлагать новые варианты "исторических законов", прошлые версии которых были дискредитированы и/или забыты (Г. Бокль, К. Брейзиг, Г. Спенсер и др.).

Особое внимание к менталитету людей прошлого естественным образом предполагало реконструкцию их умонастроений, внутреннего мира, что приближало подход к *понимающей идеографии*. Различие состояло в том, что главным методом проникновения было не полумистическое дильтеевское "чувствование" (эмпатия), а достаточно рациональные и аргументированные реконструкции, основанные на систематическом обобщении большого числа разнообразных архивных материалов - свидетельств. В полной мере это проявилось уже в ранней работе Блока "Короли-чудотворцы" (1924 г.), в которой он реконструировал верования подданных в сакральную природу монаршей власти. Важным козырем ранней школы "Анналов" была направленность на создание "тотальной истории", стремление представить целостный образ социальных, политических, экономических и ментальных структур. Этот подход блестяще реализовал Блок в классической книге "Феодальное общество". Как видим, школа "Анналов" как бы выскальзывает из одномерности классического противопоставления "номотетика-идеография", существенно обогащает проблемное поле методологии социального познания. Но, как мы увидим далее, принципиальная структура спора отнюдь не устаревает.

Второй этап *Methodenstreit* - фальстарт теоретической истории

Новый этап спора открывает статья К. Гемпеля "Функция общих законов в истории", впервые опубликованная в 1942 г. [Гемпель, 2000]. Начиная с 1949 г. она многократно переиздавалась в сборниках и хрестоматиях и до сих пор по праву считается самой яркой классической работой в сфере логики и методологии социально-исторических наук. Статью об общих законах в истории (позже их стали называть *covering laws* - охватывающими законами) Гемпель, принадлежавший младшему поколению членов Венского кружка, опубликовал уже в США, где в середине века шло становление университетского образования и ощущалась острая потребность в методологическом обосновании принципов построения и преподавания социальных наук. Она вызвала резонанс уже в конце 1940-х и, особенно, в 1950-х гг. в связи с широким развертыванием англоязычной аналитической философии, прежде всего аналитической философии истории. Утерянное ранее общее поле для спора вернулось вновь, но, как обычно бывает, в другом обличье.

Гемпель, будучи в молодости участником Венского и Берлинского кружков философии науки, развивал свою версию логического эмпиризма и приложил соответствующую дедуктивно-номологическую схему к проблеме научности исторических объяснений. Блестящая статья 1942 г. убедительно показывает, что обычные исторические объяснения в научном отношении неполноценны (*defective*). Полноценными же они могут стать только при использовании универсальных гипотез и универсальных, или охватывающих, законов (тех самых *covering laws*).

Главные тезисы Гемпеля: единство эмпирических наук и, соответственно, общность методологии, необходимость формулирования и проверки общих гипотез (соответственно, получения законов) для полноценного научного объяснения. Понимание в этом аспекте - только предварительная, возможная, но необязательная эвристика.

1950 - 1970-е гг. прошли в американской философии истории и философии социальных наук под флагом критики Гемпеля. Подавляющее большинство авторов, несмотря на свою приверженность аналитизму с его прокламируемой логической строгостью, явно ополчились на номологический манифест Гемпеля, причем настолько дружно, что его последующие публикации производят впечатление уступок, смягчения и микширования первоначально смелой и весьма агрессивной атаки на привычные для историков "неполноценные" объяснения. Помню, впервые попав в американскую университетскую библиотеку, где, как правило, читателям открыт доступ ко всем книгам, я поразился: несколько длинных стеллажей, посвященных философии истории, были почти полностью наполнены монографиями, сборниками, материалами конференций этого двадцатилетия, после которого проблематика как будто бы иссушилась.

Сами историки практически не услышали призыв Гемпеля, по большому счету проигнорировали его, продолжая свои привычные занятия и вовсе не пытаясь перестраи-

вать их в соответствии с какими-то нормативными требованиями чужаков. Данный факт усердно использовался критиками Гемпеля: историческая наука живет по своим правилам, не надо диктовать историкам чуждые им подходы, но следует прояснять логику и структуру самого исторического исследования как оно реализуется на практике.

Малый фрагмент этих споров отразился в книге русских переводов [Философия... 1977]. Представленные в ней аргументы оппонентов Гемпеля до сих пор с энтузиазмом воспроизводятся многочисленными российскими авторами.

Казус с громко прозвучавшей статьей о роли универсальных законов в истории, массивной двадцатилетней критикой и последующим ее забвением можно было бы не принимать во внимание, если бы не последующие события и не параллельные процессы в развитии ведущей в то (и последующее) время исторической школы "Анналов". Февр уже в начале 1950-х гг. прокламировал не только отказ от европоцентризма, но и "тотальную концептуальную революцию". Однако радикальный перелом в направлении исследований совершил пришедший на смену Февру новый лидер школы Ф. Бродель. Начал же он с откровенной апелляции к сциентизму, структурализму, точным математическим методам, моделированию, широкому применению статистики и других численных подходов [Braudel, 1959, p. 1]. Начался второй период истории школы "Анналов", не менее славный и богатый результатами, чем первый. Методы естествознания в истории успешно применял Э. Ле Руа Ладюри и многие другие.

Смысл происходящего открывается, если принять во внимание еще один методологический призыв со стороны, казалось бы, далекого от истории и социальных наук направления. Один из отцов общей теории систем Л. фон Берталанфи прямо предлагает начать создание *теоретической истории* [Берталанфи, 1969].

Фактически Гемпель, предлагая свою программу полноценного научного объяснения в истории, говорил не о традиционной эмпирической истории, а закладывал основы для теоретической истории как проекта новой науки. В том же направлении сдвинулась и школа "Анналов", однако обилие нового материала, излишние надежды на количественный подход и математизацию, удручающее пренебрежение (следствие неведения?) номологической программой Гемпеля привели к неоднозначным результатам.

С одной стороны, широкие синтезы Броделя, Ладюри и их коллег были концептуально насыщены, получили заслуженное признание, хотя так и не вышли на собственно теоретический уровень с эксплицитным выдвижением и проверкой гипотез, обнаружением общих законов и закономерностей. С другой стороны, сугубо численные подходы и увлечение математизацией, не дав ожидаемых результатов, привели к определенному разочарованию. Эта линия продолжалась в "Анналах", но доминировать стали уже иные настроения и идеи. В 1970-х гг. пришло новое поколение лидеров (Ж. Ле Гофф, М. Ферро и др.). Логика ответа на разочарование, как оказалось, полностью укладывается в измерение классического *Methodenstreit*: номотетика/идеография. От не оправдавшего надежд сциентизма маятниковое движение отбросило "Анналы" к детальным исследованиям казусов, биографий и истории индивидов, к изучению и интерпретации мелких происшествий, слухов и анекдотов. Центром внимания становится историческая антропология, "воображаемое", экзотическое и исключительное.

Попробую охарактеризовать в целом содержание и значение второго этапа *Methodenstreit*. Основные черты оказываются неоднозначными, но общий образ вырисовывается. Большим интеллектуальным прорывом была попытка применения логико-методологических средств и подходов к историческим и социальным наукам, разработанных в Венском кружке. Номологический подход Гемпеля оставил далеко позади прежние наивные версии номотетики, теперь уже стало невозможно объявлять не выверенные и не операционализируемые, часто тривиальные суждения "историческими законами". Однако гемпелевская методология "охватывающих законов" не получила поддержки у историков, встретила шквал критики со стороны аналитической философии истории, после чего была почти забыта как устаревшая и надоевшая всем тема.

Вместо этого в истории и социальных науках бурно развиваются количественные методы, предпринимаются многочисленные попытки применения математического моде-

лирования и структурно-системных представлений. При этом за исключением нескольких областей (экономическая история, историческая демография) численные методы, скорее, разочаровывают исследователей.

Итак, теоретическая история, основанная на номологическом подходе, и математическое, системное моделирование в данный период вполне закономерно не воплотились в значимые серии исследований. Главная причина - *недостаточная разработанность самого понятийного аппарата социально-исторических исследований* для того, чтобы можно было применять строгую логику или математическую формализацию.

Одновременно в то же самое время по многим направлениям и во многих дисциплинах происходят важные сдвиги в концептуальном осмыслении разных аспектов социально-исторической действительности. Багаж концептуальных средств как бы "дорастает" до применимости номологического подхода. "Встреча" этих познавательных средств и появление ярких результатов - уже начало нового этапа.

Третий этап *Methodenstreit* - противоречивые тенденции

Этот этап начинается примерно с ранних 1980-х гг. и продолжается по сию пору. Он также весьма противоречив и многосоставен. Стало быть, придется довольствоваться описанием основных его составляющих. В разных областях социально-гуманитарного знания, в философии и методологии социальных и исторических наук происходят существенные сдвиги, достаточно радикальные повороты, причем в разных, даже противоположных направлениях. Уходят в прошлое надежды на математизацию, применение структурного и системного подходов, растет скепсис относительно количественных методов. Протестные и достаточно революционные, устремленные к новшествам и перспективам подходы "нео" сменяются ироническими, скептическими, в определенном смысле "усталыми" подходами "пост", первую скрипку среди которых с 1980-х гг. играет постмодернизм (к нашему времени уже изрядно поблекший). Нарастают атаки на "просвещенческие" - объективистские и рационалистические - претензии научного познания¹, причем не только в социально-гуманитарной области, но и в святой святынях сциентизма - в цитадели естествознания (так называемые "научные войны").

Волны идут из Парижа, подхватываются, получают резонанс в Северной Америке, Западной Европе и далее везде, включая Россию. Чуткие к интеллектуальным новшествам "Анналы" вновь производят ревизию методологических оснований. В программной статье "История и социальные науки. Критический поворот?" [Histoire... 1988] указывается на утерю доверия к структуриализму, марксизму, клиометрике. Авторы не находят в социальных науках требуемых ориентиров и предлагают вернуться к нарративу и событийности. В этот период высказываются достаточно противоречивые взгляды. Появляются предложения полностью отказаться от причинного анализа и детерминизма в историческом объяснении (Ф. Гренье). Одновременно проводятся активные дискуссии относительно исторической аргументации и верификации объяснительных гипотез (А. Бургьер и др.). Параллельно разворачиваются процессы, менее громкие и известные, но, вероятно, гораздо более значимые в длительной перспективе. Происходит это по большей части в США, в трех тесно взаимосвязанных и взаимообогащающих областях: в исторической макросоциологии, сравнительной и исторической политологии, а также в мировой истории (*world history*). Эти области - анклав вполне позитивной науки, достаточно далекие от новомодных методологических дебатов, характерных для французских "Анналов".

Исторические социологи и специалисты по сравнительной политологии получили номологическую "закваску" в процессе своего профессионального обучения: споры по поводу преодоления гемпелевской схемы "охватывающих законов" остались им практиче-

¹ Если, с точки зрения постмодернистов, провалилась программа Просвещения, состоявшая в рациональном обосновании всех человеческих институтов - институтов религии, философии, науки, политики, то почему "такая же судьба не ждет науку" [Целищев, Карпович, Плюснин, 2004, с. 47 - 48].

ски неизвестны, исследовательской азбукой для них является обобщение эмпирических данных, формулирование и проверка объяснительных гипотез, систематические сравнения случаев, совместное использование качественных и количественных методов. Работы Ч. Тилли, И. Валлерстайна, Т. Скочпол, М. Манна, А. Стинчкомба, П. Кеннеди и др. в конце 1970-х - начале 1980-х гг. положили начало явлению, которое Коллинз назвал "золотым веком макроисторической социологии" [Коллинз, 2000^a], продолжающимся и набирающим обороты по сию пору.

Отчасти параллельно, отчасти в связи с этим потоком работ стало все шире разворачиваться исследовательское направление мировой истории. "Мировым историкам" свойственно меньшее внимание к методологическим изыскам, характерное для школы "Анналов", и большой неугасающий интерес к широким теоретическим обобщениям и методам теоретического анализа, систематического сравнения. Однако, несмотря на отдельные теоретические достижения, в мировой истории до сих пор господствует эмпиризм, причем по достаточно простой причине - обилие, громадность нового, незнакомого, экзотического материала пока является самодостаточной величиной (поднимаются колониальные европейские архивы и сопоставляются с материалами национальных и местных архивов многих стран Азии, Африки, Южной Америки).

Итак, третий этап *Methodenstreit* - не столько общий спор с единым фокусом внимания, сколько разнонаправленные движения. Вырисовываются следующие составляющие:

- время усталых и скептических "пост" движений в философской и методологической рефлексии над научным знанием, продолжающаяся "осень эпистемологии";

- рост тонкого и изощренного концептуального анализа, тесно сопряженного с интересом к событиям, казусам, личной истории, к сложным переходам между социальным, экономическим, политическим, культурным, ментальным в обновленной школе "Анналов" и сочувствующей периферии исторической науки; методологическая неравновесность с качаниями между отказом от причинных объяснений и осознанием значимости проверки гипотез и доказательности интерпретаций;

- рост богатейшего эмпирического материала в мировой истории, альтернативные попытки структурирования и теоретизации, сохранение общего интереса к вопросам глобальной социальной эволюции;

- продолжающийся "золотой век" исторической макросоциологии; противоречие между значимым накоплением теоретических и эмпирических результатов, с одной стороны, и отсутствием широкого интеллектуального резонанса, рефлексивного осознания смысла и перспектив этого процесса на уровне философской методологии - с другой.

Как было сказано выше, данный этап еще продолжается, поэтому не поддается целостному осмыслению. Однако уже можно сделать некие предварительные выводы на основе видимых тенденций. Волна антициентистского скепсиса (с "авангардом" в лице постмодернистов) явно истоцилась. В этой сфере практически не осталось значимых результатов, которые стоило бы развивать, все шире распространяются уже плохо скрываемые растерянность и тревога, ощущение пустоты и кризиса. Похоже, собственной линии развития многочисленные движения "пост" не имеют. Им нужен объект нападков. Самостоятельных перспектив в этом направлении мысли не просматривается.

Сложнее судить о тенденциях развития "другой социальной истории" в школе "Анналов". Преодоление европоцентризма столкнуло исследователей с новым, свежим и кажущимся необъятным эмпирическим материалом. Его обработка с помощью богатейшего арсенала концептуальных и методических средств школы продолжает давать интересные, увлекательные результаты. Долго ли это продлится? Можно предполагать два основных варианта развития событий: бесконечное продолжение уже идущего процесса совмещения нового (часто экзотического) материала с различными сочетаниями старых и новых концептуальных подходов; выход хотя бы части исследователей на теоретический уровень.

Примерно те же альтернативы имеют место и в развитии американской "мировой истории". Здесь гораздо меньше новомодных интеллектуальных изысков, характерных для французских историков, но столь же огромен эмпирический материал, притом, что

мировых историков в большей мере интересуют макропроцессы. Сами эти варианты развития отнюдь не беспричинны, а главные движущие факторы таковы. Широкий приток нового эмпирического материала и постоянное порождение новых концептуальных конструкций в смежных областях познания (социологии, психологии, антропологии) приводят к нескончаемому и самодостаточному разворачиванию эмпирических исследований и описаний, одобренных актуальным концептуальным осмыслением. В этих условиях *выход на теоретический уровень может никогда не произойти.*

Сосредоточение на интерпретации неких ограниченных эмпирических предметов, структурированное длительное противостояние разных достаточно последовательных парадигм и соответствующих научных сообществ с внутренней солидарностью *всегда приводят к рефлексии над вопросами доказательности, обоснованности, валидности.* В этих условиях уже вполне вероятно обращение к номологическому подходу - формулированию и систематической проверке теоретических и эмпирических гипотез. Огромное значение имеет такой фактор социологии науки, как преимущественное направление энергии и усилий самих ученых, что напрямую зависит от сравнительной статусности типа исследования, от имеющихся образцов блестящих и признанных результатов, от видения путей и методов многообещающих штудий.

Если призы даются (как сейчас в исторической науке) за новый, введенный в оборот архивный материал (чем экзотичнее, тем лучше), и за использование новейших концептуальных подходов, понятийных конструкций, модных терминов, то и мейнстрим исследований будет ориентирован соответствующим образом.

Если экзотический материал истощится, если читатели и редакторы исторических журналов и книжных серий устанут от бездоказательной какофонии концептуальных изысков, если надежно подкрепленные сравнительно-историческим анализом общие положения достигнут признания, то можно надеяться на разворачивание теоретического (в частности, дедуктивно-номологического) типа исследований.

Перспективы развития социально-исторических наук - возвращение номотетики?

Скорее же всего, следует ожидать комбинированную картину. Пространство современных социальных и исторических наук, преодолевших европоцентризм, совмещающих интерес к микро-, мезо- и макропроцессам, настолько велико, что в *разных его частях будут происходить процессы обоих типов.* Там, где больше нового экзотического материала, где поиск индивидуализирован, а новизна интерпретации важнее доказательности, будет царствовать историография "Анналов". Зато вокруг общеизвестных предметов, бедных новым эмпирическим материалом (например, история Французской революции) и постоянно провоцирующих споры между конкурирующими интерпретациями, вполне можно ожидать **дискуссии относительно критериев обоснованности**, что непременно приведет к вопросам эмпирической подкрепленности теоретических положений. Вернемся к классическим вопросам *Methodenstreit.*

Должны ли социальные и исторические науки строиться по образцам естествознания? Ответ отрицательный. Борьба сейчас против "естественно-научного империализма" позапрошлого века - значит ломиться в открытую дверь.

Существует ли некое методологическое единство наук с эмпирическим базисом, либо исследовательская методология автономно развивается в каждой отдельной области? Ответ неопределенный, поскольку спор продолжается. Вместе с тем общие соображения относительно повсеместной значимости логики, обобщений, систематических сравнений, эмпирической проверки гипотез, относительно стимулирующего характера взаимообмена познавательными методами и средствами говорят, скорее, в пользу глубокого единства наук и научной методологии [Bunge, 1996; Розов, 2002⁶].

Выявленные в долгом *Methodenstreit* фундаментальные особенности социально-исторической действительности - интенсивная изменчивость и практическое отсутствие повторяемости, большое число значимых переменных, невозможность экспериментирования с полной контролью над условиями, большая трудность проверки гипотез, и т.д. -

как выясняется, вовсе не запрещают использование теоретического подхода, даже в строго дедуктивно-номологическом варианте [Machlup, 1961; Розов, 2001], но требуют гораздо большей методологической и концептуальной изощренности, чем во времена Гемпеля, Берталанфи и Броделя [Kincaid, 1990; McIntyre, 1993; Розов, 2002^a].

Значит ли это, что в социальных и исторических науках грядет *возвращение номотетики*, пусть и на новом витке спирали? Если так, то главную роль должна сыграть "темная лошадка" нынешнего этапа *Methodenstreit* - историческая макросоциология (она же теоретическая история), поскольку именно в этой области следует ожидать появления впечатляющих результатов², которые вдохновят новые поколения исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем, критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
- Виндельбанд В.* Дух и история. Избр. раб. М., 1996.
- Гемпель К.* Функция общих законов в истории // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии и анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе (фрагменты) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
- Дильтей В.* Описательная психология // *Дильтей В.* Собр. соч. Т. 1. М., 2000.
- Коллинз Р.* Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии и анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000^a.
- Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии и анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000^b.
- Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Пименова А.* Анналы: экономики, общества, цивилизации // THESIS. 1993. Vol. 1. N 1.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре (Избранное). М., 1998.
- Розов Н. С.* Возможны ли "быстрые открытия" и накопление знаний в социальных науках? // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. Вып. 2. Новосибирск, 2002^a.
- Розов Н. С.* Номологический синтез теоретических знаний об истории и культуре (проект интеллектуальной стратегии) // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001.
- Розов Н. С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002^b.
- Русакова О. Ф.* Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.
- Философия и методология истории. М., 1977.
- Целищев В. В., Карпович В. Н., Плюснин Ю. М.* Наука и идеалы демократии. Новосибирск, 2004.
- Braudel F.* "Annales" ont trente ans // Annales: ESC. 1959. N 1.
- Bunge M.* Finding Philosophy in Social Science. New Haven-London, 1996.
- Buruiere A.* Histoire d'une histoire: la naissance des "Annales" // Annales: ESC. 1979. N 6.
- Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? // Annales: ESC. 1998. N 2.
- Kincaid H.* Defending Laws in the Social Sciences // Philosophy of Social Science. 1990. Vol. 20.
- Machlup F.* Are the Social Sciences Really Inferior? // Southern Economic Journal. 1961. Vol. 17.
- McIntyre L.* "Complexity" and Social Scientific Laws // Synthese. 1993. Vol. 97.
- ² "Первой ласточкой" является вполне номологическое предсказание распада Варшавского блока и СССР, сделанное Коллинзом в 1980 г. на основе общей теории (полученной на другом историческом материале) и анализа начальных данных для обеих тогдашних сверхдержав [Коллинз, 2000]. Конечно, "одна ласточка весну не делает", зато предвещает.